

I . ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ирина Кознова

Труд на земле в памяти российского крестьянства

Введение

Земля выступает «прасимволом» крестьянской культуры - воспользоваться этим понятием Освальда Шпенглера представляется уместным. Хозяйствование на земле для традиционного земледельца, каким является крестьянин, не просто занятие или средство получения дохода, но - образ жизни. Привязанность к земле, земледельческий труд есть свойство крестьянина как личности, которой присущи предприимчивость, инициативность, хозяйственное начало, стремление «жить своим умом» (1).

С точки зрения представлений крестьян о земле и труде на ней важное значение имеют природно-климатический, этнокультурный и конфессиональный факторы, определявшие менталитет крестьянства (и русского народа в целом). Анализу этих факторов посвящены появившиеся в последнее десятилетие исследования (2).

Вместе с тем, в литературе обращается внимание на то, что этнокультурный подход оправдывает себя, если речь идет о крестьянском хозяйствовании на основе единообразной традиции, не столько экономической целесообразности, сколько биологических ритмов и жизненной необходимости. Для оценки процессов, связанных с развитием рыночных отношений, этнокультурного подхода недостаточно. Предлагается дополнить его цивилизационным подходом (3).

Применительно к сохранившимся в памяти представлениям крестьянства о земле и труде имеется в виду их связь с историческими типами хозяйствования (натурально-потребительское, экстенсивное и рыночно-товарное, производительное, интенсивное), разными типами социальности (община или кооперация) и разными типами хозяйствующего субъекта (ориентированного на патернализм в любой форме и/или самостоятельность личности). Исследования в этом направлении начинают проводиться.

Существуют два взаимозависимых вектора движения памяти. С одной стороны, восприятие действительности определяется прошлым опытом. С другой стороны, память реконструирует прошлое, актуализирует его определенные моменты и черты, те или иные аспекты прошлого

опыта. Первый вектор из прошлого устремлен в настоящее (и будущее), второй – из настоящего – в прошлое, но определяет и будущее поведение и умонастроение. Действительность продуцирует избирательность памяти, помогает сфокусировать внимание на том, что связывает прошлое с настоящим и будущим.

С помощью памяти прошлое организовано по-разному в различных культурах, и рассмотрение в этом аспекте крестьянской культуры, понимаемой как определенное целостное мировосприятие и жизненный уклад, помогает проследить взаимодействие в ней архетипических и исторических черт (4).

Крестьянский труд на земле: между традицией и новацией

Основой крестьянской коллективной памяти является «власть земли». Это понятие приобрело во многом характер метафоры. Ее слагаемыми выступают: убежденность крестьян в особой связи с землей и трудолюбии – «служении земле», а в силу этого - в своей уникальной общественной миссии «кормильца», ставшей основой крестьянской самоидентификации; коллективная память о земле, некогда доступной всем; представление о земле как «даре Божиим»; общинность, поддерживающая естественное право каждого человека на совладение землей как среды обитания; «трудовое право».

В крестьянской традиции связь с архаикой наиболее тесна и устойчива. Земля и трудящийся на ней человек есть продолжение друг друга. Земля – вечная «родительница» и «кормилица», пограничье между Жизнью и Смертью. Чувство мистического единства с Землей длительное время выражалось в культе Матери-Земли («Мать сыра земля»). Христианство связывало образ Земли с образом Богородицы (5).

В крестьянском мирознании очень прочно срослось дохристианское понимание труда как поддержание существующего миропорядка в течение священного годового цикла и христианское - как средство к спасению.

Особенность крестьянского мировосприятия трудовой деятельности заключалась в существовании представлений о связи самих трудовых действий с результатами работы не напрямую, а опосредованно («человек полагает, а Бог располагает»). Коренное отличие смысла традиционного крестьянского труда от современного в том, что работа крестьянина не направлена на изменение своего положения, она лишь поддерживает определенное состояние, порядок вещей. Важная черта представлений русских крестьян - неразрывная связь труда с обыденной, повседневной жизнью и сакральный характер традиционных сельскохозяйственных работ. При этом в трудовых традициях, сопутствующих полевым работам, было ярко выражено общинное начало. Это проявлялось в выборе на сходе «зачинателей» - пахаря и жницы, в коллективных «дожинках», помочах, толоках, совместных трапезах. Нормативный характер

крестьянской культуры предполагал поло-возрастное разделение труда (6).

В памяти крестьянства существует пласт, в котором лейтмотивом выступает тема жертвы/жертвенности. Ключевым для ее воспроизведения является ставшее уже стереотипным представление об усилиях, «оплаченных кровью и потом русского крестьянства». Кровь, которая в народном сознании длительное время ассоциировалась с борьбой за землю, выступает как символический эквивалент «жертвы» ("горят не барские хоромы, а наших дедов кровь"), а пот как символ «страдности» и «жертвенности» крестьянского труда.

Если вести речь о реальной хозяйственной практике, в которой земля выступала как конкретный материальный объект, то именно она была основным богатством крестьянской семьи, деньги являлись всего лишь средством для приобретения дополнительной земельной площади или связанных с ней средств производства. Труд считался первоисточником имущественных прав. Доступ к земле составлял основу крестьянской жизни, а труд на земле, в свою очередь - основу и условие крестьянского владения землей. Приоритетным для крестьян был физический труд, а право на землю имел тот, кто трудился на ней. Трудолюбие было тем качеством, по которому в деревне судили о человеке.

Однако однозначно ответить на вопрос, «трудолюбив ли русский крестьянин», нелегко. Полевые наблюдения XIX в. давали на него как утвердительный, так и отрицательный ответ, причем, многие описатели называли трудовые традиции крестьян не иначе как «безмерные лениности». Крестьянская трудовая этика являлась традиционной, минималистской этикой, исходила из потребительского характера крестьянского хозяйства, целью которого было не получение прибыли, а получение пропитания. И смысл жизни крестьяне усматривали не в накоплении собственности, не в увеличении власти и влияния с помощью богатства, а в спокойной, размеренной и праведной жизни. Работа была включена в годовой ритм сельской общности, в котором отнюдь не последнее место занимал праздник, и переплетена с семейными обрядами. По этой причине крестьяне противились приказам «сверху» или нововведениям, которые должны были нарушить этот ритм и образ их жизни (7).

Рубеж XIX-XX веков был временем кризиса психологии, порожденной "моральной экономикой", деформации привычных мировоззренческих установок, секуляризации сознания в крестьянской среде. Все это не могло не оказывать влияния на изменения во взглядах на землю и способы хозяйствования на ней.

В Европейской части страны наблюдалось аграрное перенаселение, в общественном сознании представленное как «оскудение центра», а в крестьянском - «малоземелье». Именно тогда в сознании наряду с привычным понятием «голод» сформировалось - по аналогии - еще одно: «земельный голод». Росло число отходников, тех, которых «земля не

кормила”, когда уже невозможно было “жить одной землей”. Одновременно стали чаще практиковаться уравнильные переделы. Общинное крестьянство буквально захлестнуло требование “Земли! Земли!” Основной массе общинников была свойственна иллюзия, что прибавка земли неизбежно приведет к подъему хозяйства, а потому единственным мерилom крестьянского благополучия (кроме, разумеется, собственного труда и труда своей семьи) оставалась десятина (переселение на свободные земли Зауралья и Сибири, несмотря на правительственную поддержку, оставалось для большинства недоступным). Крестьянин-общинник считал, что 1,5 дес. всегда выгоднее, чем 1 (8).

Получила распространение мифологема «черного передела», которая подпитывалась «общиноверием» (термин А. В. Гордона) крестьянства и идейно-политических «друзей народа», пытавшихся, как выразился В.В.Журавлев, «расшифровать сложный код крестьянской ментальности» (9). Названная мифологема была «замешана на дрожжах» коллективной крестьянской памяти и определила мироощущение и поведение основной части крестьянства в годы аграрной революции (с ее пиками в 1905-1907 и 1917-1918 годах), столыпинской реформы, продолжала жить и позже.

Между тем, при сохранении помещичьего землевладения основная часть земельного фонда находилась в руках крестьян – в виде надельной, купчей или арендованной земли: до 1914 г. - 2/3, в 1917 г. - 9/10 земельного фонда (10). Ликвидация помещичьего землевладения носила скорее символично-политический, чем экономический характер, поэтому центр тяжести аграрной реформы лежал в перераспределении той земли, которая находилась в руках крестьян.

Не менее трети крестьян сделали шаг в сторону личной собственности на землю еще до столыпинской реформы (11), хотя в целом процесс шел медленно и был неодинаков в разных регионах. Эти крестьяне боялись потерять заработанную “горбом” землю во время всеобщего передела.

Нововведения, направленные на подъем крестьянского хозяйства в рамках общины, служили лишним доказательством того, что дело не только в количестве земли. У части крестьян появлялось дополнительное обоснование своих трудовых прав на землю - “сколько я навоза ввалил”, основанное на стремлении хотя бы минимально интенсифицировать хозяйство и влекущее к укреплению землепользования (реже – в рамках общества, чаще – вне его). При этом главным аргументом и при выделе выступал такой, как “возможность свободно трудиться на своем наделе”, а аргумент “приобретение прав собственности на землю” имел сравнительно более низкий ранг (12). Тому, кто стремился выйти из общины, претили порядки, которые заставляли “покоряться судьбе и работать землю, как предки работали”. Тем самым вступали в противоречие между собой коллективный опыт, основанный на многовековой тради-

ции и памяти нескольких поколений и личный опыт, основанный на индивидуальной памяти, которая впрочем, черпала из общего «пирога» многослойной крестьянской памяти.

За этим недовольством общинными порядками стояли важные цивилизационные сдвиги. Аграрная трансформация пореформенной России вызвала к жизни особый, новый для российской деревни, тип хозяйствующей личности с такими чертами, как самостоятельность и деловитость, стремление к рациональному и эффективному рыночному хозяйствованию, к новым культурным потребностям. Причем, этот слой в равной степени демонстрировал устремленность и к хозяйственной, и к духовной самостоятельности, независимо откуда она исходила - от государства, помещика, духовенства или интеллигенции (13).

Мифологема «черного передела» нашла воплощение в требовании «всероссийского крестьянского владения землей», подкрепленного в 1917-1918 годах мощной погромной волной. Большинство крестьян не хотело частной собственности либо собственности государственной (фактически, всякой собственности) и поэтому изъявило желание оставить землю, согласно крестьянской формуле, ничьей или Божией ("земля ничья, а наше пользование"). Крестьяне стремились «справедливо» поделить землю и стать «вольными хозяевами на вольной земле» (и в этом уже изначально был заложен последующий конфликт между крестьянством и большевиками).

Однако теперь крестьянам центральных губерний уже невозможно было надеяться на новую «земельную прибавку». Аграрное перенаселение Центра усилилось. Крестьянство по-прежнему держалось общины. Когда-то Клод Леви-Строс высказался в том смысле, что не люди думают с помощью мифов, а мифы - как бессознательное - действуют в сознании людей, не отдающих себе в этом отчета. Таким же образом общинность, поднимаясь из глубин памяти, пронизывала крестьянское сознание и поведение.

Характерные для нэповской деревни процессы - усиление общинных настроений и одновременная потребность преобразования традиционных устоев жизни - могут быть интерпретированы с позиций функционирования памяти как разные способы актуализации прошлого опыта. Однако этот опыт основывался преимущественно на трудовом праве, и понятие «собственность» по-прежнему выступало как функция физического труда (14).

Наличие различных представлений о земле и труде на ней в крестьянской среде продемонстрировала дискуссия об общинном землепользовании, активно развернувшаяся во второй половине 1926 г. - начале 1927 г. на страницах "Бедноты", «Крестьянской газеты» и «Крестьянского журнала». Дискуссия показала, что процесс трансформации традиционной потребительской трудовой этики в современную, максималистскую, продолжался. Ее переходный характер выразился в том, что сто-

ронники и противники общинного землепользования повторяли аргументы, выдвигавшиеся и ранее, например, в годы столыпинской реформы, а именно: «социальная справедливость» versus «хозяйственная выгода». Разница заключалась в том, что "арбитром" в споре выступала уже не царская, а советская власть (15).

Существовал особенно важный с точки зрения воспроизводства коллективной памяти момент, который не притуплял, а скорее оттенял вариативность ее проявлений и который, в свою очередь, имеет два аспекта.

Речь идет о крестьянственности как «служении земле», прямом выражении долга и ответственности ("религиозно-этическая задача", по отцу Сергию Булгакову), и прочно врезанном в память представлении крестьянства о себе как «кормильце». Об этом документы крестьянского происхождения напоминают постоянно, независимо от отношения к общине. Анонимный автор письма в «Крестьянскую газету» вывел свою простую формулу: «Все равно, какая бы власть ни была, нам, крестьянам, пахать».

Но и обращенный к деревенским массам призыв крестьянина-передовика «научиться пользоваться землей» искал в памяти необходимые основания. Хотя передовик и был ангажирован властью, эта власть, иницирующая модернизацию, еще делала ставку на подъем единоличного крестьянства и сама училась находить в глубинах крестьянской памяти необходимые ей (власти) аргументы, «играть с крестьянством в память». Идея «культурного хозяйствования» («земля, она дожидается, скоро ли ее хозяин заживет по-новому, по-культурному») выростала в недрах крестьянского сообщества, хотя прорастала она не быстро. «Мысли крестьянина о земле», о рациональном хозяйствовании, основанном как на учитывающем региональные особенности народном агротехническом опыте, так и достижениях науки, которое включало в себя понятие экономической эффективности, хозяйственной выгоды, доходности, правда, преимущественно в рамках установившегося земельного строя (национализации) - важная составляющая крестьянских писем (16).

Это было время, когда крестьянство, претендуя на активное и неформальное участие в управлении страной (претензия в действительности во многом иллюзорная), все сильнее ощущало свое отторжение от власти и несправедливость государственной политики относительно деревни. Память о пролитой за землю крови (все революционные потрясения начала XX века стали своего рода гигантским потоком, влившимся в реку народной крови, пропитавшей землю на протяжении столетий), в добавление к поту, полившему ниву, превратилось в обвинение властей. В этом смысле общинность проявила себя как форма крестьянской солидарности, направленная извне деревенского сообщества. Произошла инверсия знаменитой крестьянской формулы крепостной эпохи: с «мы ваши (то есть помещичьи – *И. К.*), а земля-то наша» на «земля наша, да

власть ваша».

Свое прошлое и настоящее крестьяне все отчетливее начинали рассматривать в контексте отношений «крестьянство-власть», подчиняя ему отношения «крестьяне-земля» (17).

Хозяйствование как «служение земле», на что был нацелен новый крестьянский тип, формирование которого шло на протяжении предшествующих десятилетий, предполагало по сути добровольный выбор. Историческая реальность 20-х годов все же не способствовала возвращению подобных духовных потребностей крестьян. Упрощенно понимаемая борьба нового со старым, науки с религиозностью, леворадикальные настроения «скорейшего социализма», в конечном счете были чреваты безразличием, превращением "матери сырой земли", "кормилицы" в обычную "грязь".

Труд на земле и колхозное крестьянство

Коллективизация резко изменили характер крестьянского землепользования и труда. В деревне появился новый слой людей - активистов колхозного строительства, для которых основными стали понятия "артельная земля" и коллективный труд на ней. Советская власть всячески поддерживала идею незыблемости коллективного землепользования, вручая колхозам акты на вечное пользование землей.

Следует отметить, что идеологии советского общества был присущ трудоцентристский характер, труд в ней имел своего рода священный характер. В нормативных текстах декларировалась «всеобщность труда», то есть обязательность трудовой деятельности для каждого трудоспособного члена общества, недопустимость неучастия в труде и извлечения «нетрудовых доходов». При этом общественно направленным мотивам трудовой деятельности отдавалось явное предпочтение перед личными, а духовным мотивам – перед материальными. Социалистическая трудовая мораль ориентировала работника на высокие трудовые затраты при низком материальном вознаграждении. Подобная идеологическая конструкция была направлена на мобилизацию трудовой энергии масс, и свою задачу в определенный исторический период она выполнила успешно (18).

Если вести речь о сельской повседневности, то в раннеколхозные (довоенные) годы крестьяне пытались переносить некоторые из трудовых ритуалов и традиций единоличной деревни, связанных с землей и носивших сакральный характер, в практику колхозной жизни ("дожинки", "завивание" колосьев и др.). Труд понимался еще во многом как инструмент поддержания крестьянского миропорядка. Сохранялось и представление о крестьянском социальном долге: «Крестьянин должен работать всяк себе, а государству отдавать сколько нужно с гектара» (19).

При распределении трудовых раскладок в колхозах на первых порах

сохранялся «едоцкий» принцип, существовавший в единоличной деревне (20). Даже вступая в колхоз, крестьянин еще сохранял связь со своей прежней землей. Имеются свидетельства, что вплоть до 1960-х годов (по крайней мере, на Русском Севере) колхозники неоднократно засеивали «свои» участки в полевых наделах колхозов, поскольку многое в памяти как раз было связано с межей и родовым знаком на ней. Были распространены покушения на колхозные поля – поломка изгородей, потрава колхозных посевов (21).

Напомним, что оплата труда колхозников в коллективном хозяйстве в большинстве случаев имела номинальный характер. Отчуждение от результатов труда в общественном производстве, неудовлетворенность оплатой выражалась в том, например, что накануне войны почти 23% колхозников были «мнимыми», то есть не выработали и 50 дней в году (22).

С укреплением колхозного строя представление крестьян о "своей земле" изменилось: таковой стала земля крестьянского колхозного двора. Существование (пусть в редуцированном виде) крестьянского двора стимулировало на протяжении 30-40-х годов настроения в пользу роспуска колхозов и возвращения к единоличному землепользованию (23). Хозяйственный потенциал двора и в целом социальный статус крестьянства зависел от количества приусадебной земли. Если при определении размера приусадебного участка власти руководствовались участием членов двора в работе общественного хозяйства, то для крестьян уравнительное право на часть важнейшего жизненного ресурса, каким была земля, считалось справедливым. При этом в своих письмах в органы власти в 40-50-е годы они апеллировали к опыту и практике поземельной общины (24). Членство в колхозе давало право на приусадебную землю, а потому во многом и природа трудолюбия на колхозном поле коренилась в праве на приусадебное хозяйство, символизировавшего, по выражению Л. М. Тимофеева, право на жизнь. Героиня его исследования «крестьянского искусства голодать», жительница среднерусской деревни Гати А. Ховричева хорошо помнила, чем она (как и другие крестьяне) заплатила за это право: даровым трудом в колхозе, денежными и натуральными налогами (25). Годовой цикл крестьянских работ с лихвой перекрывался годовым циклом крестьянских повинностей (26).

Именно в рамках крестьянского двора сохранялась тенденция рационального хозяйствования, питавшая предпринимательские устремления крестьянства (27). И хотя «крестьянский рынок сужен до размеров базарной площади», а само приусадебное хозяйство воплощало «черный рынок», поскольку крестьянина вынудили продавать обществу свой сверхурочный труд на подворье, та же А. Ховричева постоянно оперировала понятиями «выгодно» – «невыгодно», «доход» (28).

Колхозная практика выразила остроту конфликта поколений в отношении земли и труда на ней. В 1960-1970-х годах, как свидетельство-

вали социологические исследования, в Центральной России “только у старших поколений еще живы воспоминания о далеких временах, сколь острой проблемой была земля”. Действительно, социальное чувство стариков к земле было более острым и глубоким, их отношение и к колхозной земле было бережным. Более молодым поколениям не доставало сравнения, основанного на личном опыте. Отмечалось, что пожилые колхозники выражали искреннее огорчение по поводу того, что «многие молодые люди теперь землю не матерью, а “грязью” считают». Старшие поколения руководствовались принципом: “Подходить к земле запросто нам прежде всего житейский опыт предков не позволяет. ...Обращение к земле на “Вы” ко многому обязывает земледельца”. Традиционная для крестьянства трудовая память - память буквально о “завоевании пашни” - была одним из важнейших параметров самосознания крестьянства. Она не допускала запустения полей. Но уже в 60-70-е годы подобное стало повсеместной нормой (29).

Эмпирические данные, по крайней мере, с середины 1970-х годов, показывали, что в сознании наиболее массовых групп работающего населения доминирующими были ценность высокого вознаграждения за труд и примыкающие к ней ценности благоприятных условий его достижения: хорошего состояния оборудования, равномерного обеспечения работой, хороших условий труда и пр. Это позволяло исследователям сделать вывод, что трудовые ценности, разделяемые и выражаемые российским населением, вступали в противоречие с официальными предписаниями социалистической идеологии (30).

Модернизация и связанные с ней процессы влияли на изменение представлений о труде. Она совпала с новыми тенденциями постиндустриального развития, симптомом которого, как представлялось некоторым авторам, была «смерть» трудового общества (31).

Так, исследования, проведенные в начале 1970-х годов в японской деревне показывали, что развертывание механизации и рыночных отношений изменяло представление крестьян о труде. Старательный крестьянин, который прилагает все усилия, не жалея сил, перестал быть их идеалом. Крестьяне охотно искали отходничества и несельскохозяйственных работ, которые сразу давали им наличные деньги. И среди крестьян, исключительно занимающихся сельским хозяйством, тоже появлялись люди, соблюдавшие выходной день и восьмичасовой рабочий день. Даже занимаясь усердно усовершенствованием своего хозяйства, они в то же время придавали большое значение свободному времени. По мнению японских ученых, подобные люди «являли собой пример самого обыкновенного, заурядного служащего в контролируемом обществе» (32).

Что касается российского сельского хозяйства, то ориентация на высокий заработок не сопровождалась ростом производительности труда. По данным различных обследований, свыше 70% занятых в сельском

хозяйстве выполняли простую ручную работу. Не менее трети сельских жителей относилась к работе на земле в общественном хозяйстве вполсилы. В 1970-е годы многие личные подворья лишались своих производственных функций и неминуемо приобретали иждивенческий характер. Эти тенденции ощущались тем отчетливее, чем сильнее было городское влияние. Усилился отъезд из села наиболее активных, тех, кто мог и хотел работать (33).

Эрозия традиционной трудовой памяти (как память образа жизни, память поведения) стала симптомом «раскрестьянивания». Свою роль здесь сыграли перевод колхозов в совхозы, введение гарантированной денежной оплаты труда, получение сельскими жителями паспортов и пр. Не случайно появление в эти годы писателей - "деревенщиков", обратившихся к теме разрушения крестьянской трудовой этики. Высказывалась мысль о потере селянами чувства хозяина земли ("раз земля государственная, она - ничья"), о распространении нового типа земледельца - квази-крестьянина, наемного работника на земле в крупном общественном производстве, равнодушного «работяги-калымщика». Распространенный в те годы анекдот точно уловил суть явления: « "Кашу маслом не испортишь", - сказал тракторист и вылил машинное масло на гребешное поле».

Когда в письмах граждан в Президиум Верховного Совета РСФСР (1989-1990 годы) поднимался вопрос о причинах разорения деревни и путях ее подъема, главным источником кризиса называлась сама система, вырвавшая наиболее активное и трудоспособное население из села, изменившая и психологию людей: «Люди отвыкли от труда, привыкли, что все – государственное» (34). Было распространено мнение, что большая часть сельчан потеряла всякий интерес к земле (35).

Память как фактор современных рыночных преобразований

На рубеже 1980-1990-х годов в коллективной памяти российского общества произошла актуализация формулы «земля и воля», смысл которой сводился к следующему: «окрестьянивание деревни», «возрождение крестьянского в крестьянине - чувства хозяина земли», «возвращение крестьянина земле через возвращение земли крестьянину», «свободный труд на свободной земле».

Каким образом отозвалась крестьянская память на подобное обращение к ней?

На уровне крестьянской самоидентификации активно воспроизводились стереотипные представления о «неразрывной связи с землей» и вытекающей из нее «особой моральности»: «крестьяне – труженики земли», «кто землю любит и без нее жить не может», «землю не обманешь». Надо сказать, что подобные представления получили и характер идеологического штампа, который используется политическими силами, презентующими себя в качестве «выразителей интересов тружеников се-

ла» (36).

И все же «родиться, работать на своей земле и умереть на ней», ощущение «матери сырой земли» - кредо главным образом крестьян самых старших поколений, которых в деревне остается все меньше и меньше. Для них, как выразилась А. Тырышкина из д. Красная Речка (Саратовская область), «основная специальность – земля». Социологические исследования в 20 селах восьми регионов России, проводившиеся в начале 1990-х годов в рамках российско-британского исследовательского проекта под руководством Теодора Шанина (37), показали, что старшее поколение крестьян (время их рождения пришлось на 1910-1920-е годы) фиксировало в своей памяти те явления и события, которые так или иначе связаны с землей: стремление крестьянской семьи увеличить количество земли; земельно-хозяйственные распоряжки единоличной деревни со сходами, переделами; потеря земли в коллективизацию; земельные споры с соседями. Обращалось внимание и на то, как в старой деревне были ущемлены права женщин на землю, а женитьба и замужество расценивались как хозяйственные сделки; по выражению одной из женщин, “не гуляя, не любя, выйти замуж за землю”.

Основной критерий, по которому память оценивает прошлое и настоящее, «раньше» и «теперь», сравнивает разные периоды прошлого - это отношение к земле через труд на ней. Земля и труд неразрывно связаны, при этом заметна сильная ностальгия в отношении характера и содержания труда на земле.

В том пласте памяти, для которого ориентиром является единоличное хозяйство, содержится представление о крестьянском порядке. Труд крестьянской семьи на своей земле – и есть основа этого порядка. «Раньше сами работали и сами своим трудом распоряжались», - выразилась по этому поводу О. Литвинова из хутора Атамановка (Волгоградская область).

Имея в виду единоличное хозяйствование, крестьяне отмечали, что «там земля больно хорошая была...», «наши земли», «земля всех кормила», «крестьянин был прикован к земле навечно». Говорилось о «чувстве земли», заботливом и бережном отношении к ней. Записанные в Кировской области (Вятка) воспоминания сельских жителей и бывших крестьян вносят дополнение в эту картину: «Берегли - это ужас как!»; «Перед севом старики выйдут в поле и “разговаривают” с землей - мнут в руках, приложат к губам и скажут потом, можно начинать сеять или нет»; «А косить,... и если еще не умеешь, так тебя промеж ноги заберут, головку-то к земле прижмут: «Давай, учись, учись»; «А ведь как раньше? Крестьянин каждую кроху земли рукой потрогает, передаст ей тепло, вот она и родит хороший урожай» (38). Старшее поколение привыкло «вспушивать» землю.

В свидетельствах памяти подчеркивается ценность земли как основы хозяйствования, которое позволяло крестьянину занимать опреде-

ленное положение в обществе и кормить его членов. Отмечается земля и среди критериев богатства того времени (особенно на Юге России и в Сибири), хотя скорее она (наряду с «тяжелым и упорным» трудом) – необходимое условие богатства крестьянской семьи, в круг которого включается скот, хлеб, хозяйственные постройки, сельхозмашины, деньги.

Если вести речь о представлениях относительно крестьянского порядка в контексте труда, то можно сказать, что он (порядок) и воспроизводится как трудовая память, «трудничество», «горение на работу». Существует убежденность в том (как у В. Воротникова из с. Тепловка Саратовской обл.), что «свой труд – никогда не тяжелый», а «красивый, приятный». По мнению А. Казанкина (с. Лох Саратовской обл.), родители которого были зажиточными, «боялись ведь попасть в "ленивую соху"-то наши лоховские мужики... И ведь старались встать пораньше, выехать до свету, чтобы шапочку никому не поломать, не поклониться первым. Отец мой всегда говорил: "Ешь хлеб с медом и первый не здоровайся..." А это значит - работай... Если поработаешь хорошо, то тебе обыкновенный хлеб слаще меда покажется... А первый не здоровайся - это опять работай. Ведь кто работает, тот первый не здоровается: он делом занят. А ты, если к нему подойдешь, то и шапочку-то первый поломаешь, поздравствуешься...». Вспоминая, как «раньше» трудились, старики расставляют акценты следующим образом: «целые дни – в работе», «мы с детства понимали, что такое труд», «крестьянина подмывало, если его урожай как-то не удался, хотелось работать еще больше (ночью), но "победить" соседа - чтобы было лучше».

Слагаемые подобного порядка - универсализм крестьян, многочисленные навыки и умения в рамках хозяйства и сельского общества («я все-все умею делать»), включенность детей в крестьянские работы. По поводу последнего весьма красноречивы комментарии Д. Скамахи из с. Б. Таловая Ростовской области. На вопрос, что делал ребенок в единоличном хозяйстве, он ответил: «А что сможет, то и делал. Дома, це ж не в колхозе. Пололи в степу, весной, это, ой боже, вот такой ребенок, еще тяпochку не держит, а уже поихалы, подсолнух полоть, кукурузу. Боже спаси. Коней вели по борозде. А теперь до 17 лет в школу ходють! Господи! Посмотреть страшно».

Память демонстрирует уважение к людям, которые своим собственным трудом создавали свой достаток, «кто работал и кто стремился к работе», «кто трудился много и был хозяин хороший».

В средних и бедных хозяйствах труд - основа семейной экономики. Тяжелая работа – признак не столько «особой, неразрывной связи с землей и любви к ней», сколько экономическая необходимость, предполагающая рост самоэксплуатации, жесткую экономию времени, предельную бережливость, скупость и расчетливость (39). Крестьяне вспоминают о труде в единоличном хозяйстве, если можно так выразиться, «на-

взрыд». Впечатление такое, что ничего, кроме труда, крестьянин больше в своей жизни не знал. Вместе с тем, в современной жизни крестьяне не ценят затрат времени на ту или иную работу.

Особенно обращается внимание на особое качество труда в богатых, крепких, зажиточных семьях. Так, А. Усов (с. Леонтьевщина, Вологодская обл.) вспоминал, как были раскулачены его односельчане и однофамильцы брата Усовы, «два брата-трудяги, каких еще поискать». О трудолюбии одного из них, П. Усова, до сих пор помнят в деревне: «Минуты не давал покоя не только себе, но и другим. Ребята - подпаски придут в дом, так он говорил, что не разувайтесь ребята, время терять некогда, скоро ли потом лапти обуеете, поедим да и быстрее пойдем рубить». Такое ощущение времени, в котором работа выказывает свое превосходство над ним, подчиняет себе, характерно для современного, а не традиционного понимания. И все же, хотя богатый «работал резко», «угомону не знал», он был частью крестьянского мира. В памяти, оценивающей зажиточность, «трудовое начало», как правило, не противопоставляется хозяйствованию. Однако можно встретить и утверждения, что богатый, поскольку у него хватало техники, не работал: «Досадно было тому, кто видел эту картину... Сеять-то богача не заставишь! Бедные-то работают...» (П. Карасев, Атамановка Волгоградской обл.)

Труд, по мнению потомков зажиточных крестьян супругов Афониных из с. Покрово-Марфино (Тамбовская обл.), был двигателем крестьянского хозяйственного круга, включал его в рынок («денег тогда ведь не платили, вот их-то надо было заработать»), приносил доход, поддерживающий жизнь двора во всех ее проявлениях.

Поэтому память убеждена: в коллективизацию были раскулачены «справные» крестьяне, труженики, «все труженики», у кого «соль на рубахах толстым слоем от пота лежала» (40). «Верх» взяли «беззаботные, нехозяйственные», лентяи, те, «кто не хотел работать, а жить хотел хорошо», «пустые люди», «жили как попало», к которым память выражает презрение. Если в XIX в. известная доля лености воспринималась в крестьянской среде нормально, а содержание дома в чистоте в опрятности в традиционном понимании было делом нехозяйственным, то для крестьянской памяти в конце XX в. подобное поведение, напротив, не квалифицируется как крестьянское, выходит за его рамки.

Таким образом, память подмечает движение на пути от натурального хозяйства к все более ориентированному на рынок, от минималистской, потребительской трудовой этики к этике максималистской. И трудолюбие, приносящее хлеб и деньги, превращается памятью в «фетиш, которому следует поклоняться» (выражение Б. Н. Миронова).

Можно согласиться с мнением В.Г. Виноградского, что в подобной оценке заключены и правда, и миф, некое крестьянское сочинительство, порожденное довольно болезненной реакцией старых, выдавших виды крестьян на общее понижение усердности и трудолюбия нынешних

сельчан (41).

Следует отметить, что оценка крестьянских трудовых качеств у поколений, родившихся в 10-20-е гг. XX в., совпадает в основном с оценками их родителей - реальными хозяйствующими субъектами тех лет. Об этом можно судить по письмам в центральные органы власти, «Крестьянскую газету» и «Бедноту», которые были переполнены упоминаниями о «крестьянских мозолях», о том, что крестьяне «пахут день и ночь», что «перегруженная не в меру рабочая лошадь это труженик крестьянин» (42). В известной дискуссии середины 1920-х годов «Кого считать кулаком, кого – тружеником?», общей была следующая оценка крестьян: «в своей деревне всякий крестьянин хорошо знает, кто как нажил состояние: своим ли трудом или чужим» (43). Тогда, в годы НЭПа, подобная апелляция к «исконным трудовым качествам» крестьянства объяснялась его недовольством своим положением в системе отношений с властью (городом).

Крестьяне вспоминают коллективизацию как болезненно переживаемый, вынужденный, насильственный отрыв от земли. Памятно, как «болела душа о своей земле». А. Тырышкина, когда землю забрали в колхоз и «пришли на мой участок жать, я – веришь? – упала там на сноп и кричала в истошный голос...». Однако с еще большим негодованием (и особенно мужчинами) вспоминается обобществление лошадей, того, что составляло, по мнению крестьян, истинную ценность хозяйства. Для старшего поколения именно с коллективизацией все пошло «вверх тормашками»: «жизнь упростилась», люди стали уезжать из деревни в город, «единоличное хозяйство нарушили», «землю стали обрабатывать как попало». Итог коллективизации – крушение крестьянского порядка, в котором труд и трудовая память как способ поведения являются его неотъемлемой характеристикой. Одновременно в памяти сложился мифологизированный образ единоличной доколхозной деревни, своеобразный островок «сытости и довольства» в бурной крестьянской истории XX столетия.

В памяти о колхозах на первый план выносятся то, что связано с потерей «воли» и интенсификацией труда, его мобилизационным, свойственным советскому варианту модернизации, характером («когда ты единоличник, никто тебя не жмет. А в колхозе сам закон, само расписание угнетает»), с особенно напряженным физическим трудом («но какой тяжелый труд, боже мой!»), с трудоднями («поганые голые трудодни»), когда «людям за труд ничего не давали», когда «внутренности у шуб огнили от многочисленной, тяжелой работы». Обратной стороной «облегчения» физического труда стала «эмансипация» женского труда, появление женщин-трактористок.

И все же в раннеколхозное время «трудовая дисциплина была куда лучше, чем сейчас. Еще как-то теплилось в крови, в подсознании воспоминание о работе в своем поле» (бывший председатель колхоза С. Руда-

ков, с.Шабаново Кемеровской обл.). В колхозе хотя и работали «от темна до темна», «на работу ехали с песнями, с работы с песнями» (А. Денисенко, п. Викторополь Белгородской обл.), «весело было, в бригадах ночевали, в поле и гармонь была, и песни были» (Т. Волкова, с.Плотниково Новосибирской обл.), «раньше...целый день вяжешь за жнейкой... вечером спускаемся с песнями» (А. Федорова, с.Сабанчеево, Мордовия). В колхозе стало «легче»; пропала необходимость в постоянных заботах о нуждах крестьянского двора: «отработал, пришел домой, да и только» (44). Женщины замечают, что «хозяевам, мужикам это не нравилось». Но потом привыкли, «обленились» работать «за палочки», стало «все равно», «пошла обезличка». Особое место в памяти занимает военное время: с его «трудовым подвигом» в «подневольной колхозной системе».

Средние поколения, вступившие в активный трудовой возраст уже в колхозное время, считали, что отношение крестьян к земле стало меняться после войны. По мнению С. Рудакова, «когда... появилась гарантированная оплата труда, колхозник стал уверен в том, что ...его труд... оплачен. Гарантированная оплата тоже до определенного уровня сработала, а потом стала тормозить. Люди стали искать продушину, где могли получить зарплату, не работая». По откровенным свидетельствам некоторых, «я же больше уносила с колхоза, чем зарабатывала». Как заявил И. Цаплин (д.Красная Речка Саратовской обл.), «колхоз, по-моему, лучше чем единоличник... Колхоз – это вещь! Вот мы его тощим, растаскиваем с тридцатого года. Ведь уже шестьдесят четыре года тощим! А ни хрена не растощим!»

Анализируя эволюцию повседневного существования крестьянского двора на основе семейных историй, В. Г. Виноградский проследил, как менялись его «трудовые привычки» на протяжении более полувека – с момента прекращения единоличного хозяйствования и вступления в колхоз до времени «деколлективизации» начала 1990-х годов.

По его наблюдениям, раннеколхозный двор воспроизводил в колхозном труде свои «дворовые привычки». Но колхозная трудовая идеология многое меняла, двор начал постепенно прощаться с ними. Новые же колхозные правила укладывались в формулу «не особенно напрягаться и выкладываться». Позднеколхозный двор во многом потерял свое значение как относительно самостоятельно действующая структура, его функции сузились. Молодежь покидала деревню. Экономически отодвинувшись на периферию аграрного производства, двор стал заботиться о собственном самосохранении. Источником роста экономической крепости сельского населения был не труд в колхозе (хотя последний стал оцениваться и в денежной форме), а подворье и дополнительные заработки. Но в целом, как отмечал В. Г. Виноградский, доминантой жизни не был широкомасштабный и интенсивный труд на подворье (в качестве исключения он приводил пример одной семьи из северной де-

ревни), а выгодное и безболезненное вхождение в денежные и ресурсные потоки, шедшие от государства колхозу (двор как «присоска», «пиявка» и т.п.). Работа на подворье стала менее трудоемкой, облегченной. Все большее число дворов стало терять свои родовые характеристики. Кредо сельских жителей стало «жить беззаботно, не изнурять себя на бесконечной крестьянской работе». Источник богатства двора – «темное». Правда, сохраняется и понятие «свой труд – самое главное» (О. Литвинова, Атамановка Волгоградской обл.). Сохраняется и объем труда на подворье, но двор становится «конечной инстанцией»: многие трудовые операции выполнялись в колхозе. Такая ситуация облегчала труд, но она избаловала работника, породила привычку трудиться спустя рукава, обострила его хитрость и способность к приспособленчеству. Рассказы о качестве труда времен позднеколхозного двора, как правило, соединены с воспоминаниями о труде в единоличном семейном хозяйстве. Крестьяне великолепно чувствуют разницу между одним и другим трудом, и разница особенно заметна в сравнении (45).

Итак, в рыночные реформы начала 1990-х годов деревня вступила с убеждением, что если «раньше» существовало хозяйское и бережное отношение к земле, труд с детства и целый день, без отдыха, потому что был крестьянин, то «сейчас» земля заброшена, пустует, «гуляет», дети – «неумехи», работники – «временщики» на колхозном поле, «все условия созданы, и все равно не хотят работать, потому что нет настоящего хозяина». Все свидетельствовало о потере трудовой памяти.

Казалось бы, эта оценка совпадала с видением авторов аграрной реформы, ставивших своей целью изменить трудовую мотивацию работников сельского хозяйства на основе приватизации земли и реорганизации колхозов и совхозов. Однако подобное направление реформ было поддержано незначительной частью селян и горожанами, преимущественно потомками «раскулаченных» (46).

Современная аграрная эволюция, как отмечается исследователями, представляет собой столкновение стратегий выживания и стратегий развития (47).

Большинство деревенских жителей не приняло радикального реформирования в форме деколлективизации. Колхоз (или его современная разновидность – «сельскохозяйственный кооператив») с развитой системой социальной защиты и своеобразной («симбиотической») связью с подворьем на протяжении 1990-х годов представал в памяти и в практике как традиция выживания, как гарант доступа к основному жизненному ресурсу – земле, благодаря чему двор сохраняется как семейное хозяйство. Основная масса сельчан думает, что «по справедливости» земля должна принадлежать прежде всего всем местным жителям (а не только тем, кто на ней работает непосредственно – в этом отличие современных взглядов от крестьянских требований начала XX века). Это объяснимо, поскольку 60% взрослых, живущих на селе, люди старше 40

лет, треть – старше 55 лет, и они считают, что заработали своим трудом эту землю (48). Представление о том, что «земля – всеобщий ресурс» имеет и другой аспект. Распределение земли на земельные доли, разделение крупного хозяйства и создание самостоятельных крестьянских фермерских хозяйств встречает возражение в том смысле, что это несправедливо по отношению к будущим поколениям крестьян, повторяя аргументацию традиционного общинного крестьянства.

Несмотря на то, что сельские жители являются собственниками земельных долей, в сознании большинства не сформировалось отношение к земле, передаваемой в частную собственность, как к капиталу, как к признаку богатства, достатка. Около половины (а в старших группах – более 2/3) сельских жителей являются противниками купли-продажи земли сельскохозяйственного назначения.

Основной аргумент против рыночного оборота состоит в том, что распродажа земли приведет к социальной несправедливости, накоплению земли у «богачей-эксплуататоров». В то же время, как показывают современные исследования, земля в земледельческой зоне России почти повсеместно никому не нужна. Исключение составляют лишь пригородные земли, земли южных регионов и некоторые другие (49).

Опросы сельского населения, проведенные сибирскими социологами в 1994-1995 гг., подтвердили, что основная часть работников сельского хозяйства была, как и прежде, ориентирована на труд в коллективных хозяйствах. При этом каждый четвертый респондент свою приверженность коллективному труду объяснял привычкой, каждый пятый рассчитывал на поддержку коллектива в трудную минуту, каждый десятый – на помощь в ведении ЛПХ. В действительности, на крупное хозяйство как источник «подпитки» личного подворья, рассчитывала гораздо большая часть сельских жителей. Среди более образованного сельского населения доля ориентированных на коллективный труд была несколько ниже и составляла 57,6%. Социологические данные по Поволжью (Саратовская обл.) показывали, что 57% работников сельского хозяйства считали коллективный способ хозяйствования наиболее приемлемым для себя (50).

Примером того, как семья служит транслятором памяти о земле в контексте колхозной истории, является письмо 20-летней девушки из Белгородской области. Она представляет «раньше» по рассказам старших - родителей и бабушки, и тем не менее ей «очень хочется, чтобы все вернулось назад». Любопытна избирательность памяти, переданная старшим поколением младшему: «Раньше было хорошо. Вот наша бабушка, которая всю жизнь проработала в колхозе, рассказывает, что в колхозах все выращивали: и арбузы, и картошка, и огурцы, и помидоры были в каждом колхозе. А осенью все собирали и давали на трудодни, и арбузов, говорит, возили домой мешками, ешь не хочу». Память демонстрирует столкновение натурально-потребительских и рыночных инте-

ресов: «А теперь знают только - пшеница, сахарная свекла». Вслед за старшим поколением приводится аргумент, что «колхозы были даже в трудное время после войны, почему мы их сейчас не видим» (при этом «забывается», каково на самом деле жилось колхозникам после войны на той же Белгородчине). Повторяя стереотипы более старших, но выросших в условиях советского строя, поколений, младшее высказывает «наше мнение»: «закрывать базарную торговлю, и чтобы все было в магазинах по доступной цене». И тут же в письме рядом: «Землю мы любим, потому что она нас держит и кормит, дома у нас свое хозяйство...» (51). Что означает последняя фраза? Архетипическую слитность с землей, память как проявление крестьянского («власть земли»)? Или вынужденное прикрепление к земле? Крестьянин может быть крепок земле, принадлежать ей, но не лично кому-то – владельцу или чиновнику. Из этого источника сформировался народный взгляд на землю как на среду обитания, а не средство производства, товар. Ему сродни и трудовое право, предполагающее продажу результатов труда, но не самой земли.

Исследователями отмечается существующая и по сей день слабая дифференцированность общественного мнения, его известные неподвижность и консерватизм, неявно выраженные отличия установок или принципиальных ориентиров сельской «элиты» от основной массы населения (52). Вот, например, суждение одного из молодых руководителей крупного хозяйства: «Паевая система - это глупость, российский человек никогда не понимал слово «собственность». Отдельные люди поняли - те, кто пахать и работать может, но в основном, в общей серой массе людям это понятие как пустой звук. А потому земля должна быть государственной, она должна вся обрабатываться без исключения, и люди должны работать на земле, получать зарплату, натурооплату. Вот как надо все устроить» (53).

В основе подобных представлений лежат два тесно связанных между собой, свойственных крестьянскому миропониманию и поддерживаемых памятью, момента. Это, во-первых, отмечаемая исследователями боязнь утраты коллективной идентичности и социального контроля в отношении человеческой индивидуальности (54). Во-вторых, приверженность сельских жителей понятию социального долга. Сельскохозяйственные земли рассматриваются как часть общественного достояния, а не как средство для получения прибыли, а сами сельские производители несут глубокую моральную ответственность — обеспечить продовольствием города (55).

Наряду с представлениями «земля – всеобщий ресурс» в деревне существует вполне прагматичный взгляд на землю: «земле нужен хозяин». Однако пути реализации подобного постулата в жизнь различны.

Признание своего социального долга вовсе не противоречит рыночной ориентированности работающего на земле человека. Так, выступая от крестьянского имени и делая акцент на традиционно крестьянском

восприятию труда на земле («политое потом поле», «земля-кормилица», «крестьянин – Мировая Душа, которая срослась с землей»), известный новатор и практик почвозащитного безотвального земледелия Ф. Т. Моргун подчеркивает, что осознание крестьянином своей роли всеобщего кормильца предполагает его ответственность за сохранение плодородия, основанную на стабильности землепользования, приносящей прибыль (56).

Идет и процесс концентрации земельной собственности. Например, руководитель одного из крупных хозяйств Юга России свое кредо потенциального латифундиста сформулировал так: «На всех землях нашего АО (12800 га) в конце концов останется только несколько хозяев. У каждого такого хозяина будет примерно полторы тысячи земли в частной собственности. Мы, хозяева, скооперируемся и построим предприятия переработки, на которые уйдут работать наши бывшие колхозники. А в колхозе толку не будет, надо изымать у колхозников землю, если не понимают, если не хотят. Конечно, то, что мы делаем – скупаем у них пай кубанского чернозема в 4,5 га за две и даже за три тысячи рублей – это нечестно. Это мы за бесценок скупаем. Но ведь они не понимают... И потом ведь эти 4,5 га им вообще даром достались. Вот им и не жалко с землей расставаться».

Как сталкиваются в этом случае разные пласты памяти, видно из интервью с заместителем руководителя хозяйства: «Я мог бы этих паев в три раза больше закупить, но неловко это сразу делать, а надо постепенно. Потому что когда у меня уже сто гектар накопилось, пришли ко мне отец и мать и говорят: «Сынок, а зачем тебе столько земли? Ведь тебя за это в Сибирь сослать надо. Если такое родные отец с матерью говорят, чего ж тогда от всей станицы ждать?» Сам руководитель высказался примерно в том же духе: «Мог бы я тут уж сразу все заполучить в собственность, но для этого надо быть уж совсем бессовестным». Этот идущий «сверху», от сельской элиты, процесс поддерживается и «снизу»: «Надоела эта нестабильность в государстве и на селе. Может, сделать из нашего председателя помещика как это было в старые времена. Он хоть и владел бы всем тут, но зато о нас заботился и за нас отвечал. А если бы он не так, как надо себя повел, мы бы нашли средства, как на него воздействовать» (57).

Исследования начала 1990-х годов отмечали, что эталонными качествами лучших работников хозяйств (помимо, конечно, умения работать) были исполнительность и безотказность. Это были «беззаветные труженики» с психологией наемного рабочего, но никак не предприниматели, мечтающие создать свое хозяйство (58).

В современных исследованиях по сельской России обращается внимание на стремление основной массы селян вернуться в качестве наемного работника к регулярному получению денежного заработка, преимущественно на крупном сельхозпредприятии (59).

В целом отношение к происходящим рыночным процессам определяется тем, смогут ли собственники земли получить для себя реальную выгоду от нее.

Так, интервью с жителями саратовского села, где муж возглавляет фермерское хозяйство, показывает, что в последние годы в семье изменилось отношение к работе на земле. Прежняя легковесная позиция «как бы ни посадили, все равно что-то вырастет» сменилась желанием получить лучший урожай при меньших затратах. Семья настроена на высокий уровень потребления (60).

Рядовые работники стремятся сохранить свою земельную долю. Вот как по этому поводу рассуждает жительница кубанской станицы: «Я долг по ссуде скопила и отдала в кассу, потому что под эту ссуду у меня заложен мой земельный пай, четыре с половиной гектара. И не дай Бог, если я заболēju или попаду в больницу, и не отдам эти 250 рублей! Тогда у меня заберут эти четыре с половиной гектара. Видишь, какой у меня будет тогда убыток, я несу ответственность перед кассой своим земельным паем. А мне его терять ох как не хочется» (61).

«Недоедим, но пай не продадим» - броский и вызывающий девиз, который имеет под собой вполне объективные основания. Исследователями отмечается, что упорное стремление держаться за землю, которая не является источником дохода семьи, объясняется не «непостижимыми крестьянскими генами», а вполне практическими соображениями. Наличие земельного пая выступает «кодом доступа» к ресурсам хозяйства, прежде всего к кормам, для поддержания ЛПХ, поскольку дает право на их приобретение по внутренним ценам, а также возможность «брать выращенное собственным трудом» в согласии с традициями обычного права (62).

То, как на отношение к происходящему влияет прошлый опыт, показали социологические исследования последнего десятилетия. Для массового сознания (и деревня здесь не исключение) характерна ностальгия по недавнему советскому прошлому – «семидесятым годам», времени стабильности, «уверенности в завтрашнем дне», «жизнерадостности», «сытости», «дешевизны и доступности товаров», когда стирались границы между сельским и городским образом жизни (63). Все это обеспечивалось связкой «колхоз-семейный двор» в системе советского аграрно-индустриального порядка. При этом «земля» и «труд» как понятия-символы выводятся за границы данного пласта памяти. Можно говорить об уходе трудовой памяти как таковой: многие навыки, связанные с универсальным физическим трудом на земле, которыми крестьяне владели прежде, оказались ненужными. В интерпретации супругов Афониных (с.Покрово-Марфино, Тамбовской обл.), суть подвижек в крестьянских умениях может сводиться к формуле «от умения хозяйствовать – к умению жить»: быть на такой работе, иметь такую должность, чтобы себя не слишком много физически и морально истощать, а иметь от работы вся-

ческие блага. Как выразилась Т. Волкова (с. Плотниково Новосибирской обл.), «раньше все счастье сами наживали, а сейчас только воруют». Вот пример детской игры «в прятки»: «давайте прятать молоко», - играя, говорила сельская детвора. Так дети на своем уровне воспринимали новый постулат деревенской жизни – «взрослые не знают, что значит – не воровать» (64). Можно говорить, что произошел переход от трудовой памяти к памяти потребления и нетрудовой памяти.

Если в отношении доколхозной деревни вспоминается, как жили экономно и расчетливо, трудились, были сыты и свободны; в отношении раннеколхозной деревни, как работали «за палочки», голодали и приворывали, то применительно к позднеколхозной деревне, как ели всего «от пуза» («мясо - тазами»), покупали колбасу – «палками», конфеты – коробками, сахар, макароны – мешками и как воровали. Это относительно спокойная и размеренная жизнь семидесятых, где господствует уже не традиционная, но потребительская этика.

Однако свойственная «застойному» прошлому «легкость в потреблении» в ходе «рыночных реформ» исчезла, ушел прежний «порядок»: «Теперь приходится жить урывками. Покупаешь только то, что доносилось до кондиции, лишнего, про запас уже ничего не купишь. Стало все внатяжечку» (65).

Вместе с тем, исследователями обращается внимание на использование широкими слоями населения двойных стандартов и оценок. Это выражается, во-первых, в отнесении всех позитивных моментов сегодняшнего дня к куда более широкому спектру возможностей, существующих в окружающем социальном пространстве в настоящее время («мой ВАЗ – консервная банка в сравнении с джипом»). Во-вторых, в соотношении всего негатива текущего момента к позитиву дореформенного времени («разве тогда начальство могло так хапать?») (66).

Как отмечается, труд сегодня рассматривается большинством россиян как деятельность, основная цель которой - удовлетворение потребительских нужд самого работника и его семьи; наибольшая распространенность высокого заработка как ценности труда является общей для России и большинства других стран (67).

Если вести речь об аграрном секторе, то здесь в 90-е годы нарастало противоречие между растущей инструментальной мотивацией труда (для 80% опрошенных работа является прежде всего экономической необходимостью, а среди наиболее важных характеристик работы респондентами отмечена хорошая оплата) и отсутствием возможностей у сельхозпредприятий для материального поощрения работников; наблюдалось резкое падение общественной оценки труда (68). В этом обнаруживается парадокс аграрной реформы, поскольку последняя привела, по существу, не к усилению, а к разрушению трудовой мотивации.

Среди необходимых для становления новой рыночной экономики качеств индивида на селе называются такие, как трудолюбие; предпри-

имчивость, инициатива, самостоятельность; честность, принципиальность; высокий профессиональный уровень, образование и пр. Однако по данным опросов в Сибирском регионе (в основном, совпадающих с данными по другим регионам России) самооценки сельских работников в этом отношении весьма скромные. Каждый десятый заявил, что не обладает никакими из перечисленных качеств; затруднились с ответом около 28%. По мнению половины опрошенных в 1997 г. сельских работников, в ходе аграрного реформирования ухудшились возможности проявить способности, знания, инициативу, а также работать в полную силу (69). Для сравнения приведем общероссийские данные. Так, для российского населения (по крайней мере, в первой половине 1990-х годов) в отношении труда была характерна формула неэквивалентного обмена - "больше получать и меньше делать" (а не формула "справедливого" обмена: "чем лучше платят, тем больше делаю"). Отмечалась широкая распространенность ценностей работы как способа общения и социального служения при одновременном безразличии к ценностям индивидуальной карьеры (70).

В ходе опроса 1996 г., предпринятого сибирскими социологами, сельским работникам задавался вопрос о том, что их побуждает выходить каждый день на работу, несмотря на множество проблем, включая систематическую задержку заработной платы.

По характеру ответов можно говорить о том, что профессиональная мотивация трудовой деятельности (профессиональная, «протестантская» и патриотическая мотивация) занимает меньшую долю в структуре мотивов по сравнению с другими мотивами (% к числу опрошенных):

профессиональная мотивация трудовой деятельности: ответы типа «профессиональный долг», «любовь к профессии», «интерес» – 21,2%;

«протестантская мотивация»: осознание работы как неотъемлемой черты образа жизни: ответы типа «не могу не работать, человек должен работать» – 11%;

патриотическая мотивация: “чувство ответственности перед коллективом, перед людьми”, “совесть” – 10,3%;

привычка – 18%;

безысходность – 28,8%;

надежда на улучшение положения – 17% (71).

Усиливающееся обесценение труда в сельском хозяйстве способствует «отвыканию от труда», сохранению инерции преодоления трудовой памяти. Опросы 1996-1997 гг. по Сибири показали, что более 30% сельских жителей согласились бы вообще не работать, если бы пособие по безработице было достаточным для безбедной жизни. Между тем еще в 1993 г. положительно на этот вопрос ответил лишь каждый десятый сельский респондент (72).

Исследователями фиксируется появление феномена, названного «нищим аристократизмом». В коллективном хозяйстве, где месячная

зарплата выплачивается нерегулярно и едва превышает 200 руб. (в ценах сентября 2003 г.; данные по Саратовской обл.), постоянная нищета доводит до того, что человек не хочет работать. По отзыву фермера, наблюдающего эту картину деградации местной хозяйственной жизни, «когда работа в поле есть, люди работают, а нет – сидят, отдыхают. Но мы, фермеры, живем не только для того, чтобы работать, - надо и отдыхать, а отдыхать-то нам некогда. А они, колхозники, каждый день веселые и довольные. Получается – они аристократы, а мы рабы. Какой резон ему идти работать, если он за это ничего не получит. Он работает, но немного, для того, чтобы выпить. Для этого ведь много работать не надо. Вот – к нам пришел, капусту прополос, деньги получил, и все. И голова у него не болит. А ты ее посади, да вырасти. Вот этот нищий аристократизм, он, конечно, поразил многих» (73).

Все это приводит к возрождением архаических форм прошлого, развитию криминальных практик, расцвету воровства, пьянства, закреплению такого состояния современного сельского социума, которое квалифицируется как «социальное оборотничество» (термин В. Г. Виноградского). «Мы, когда вводили акционирование в колхозе, думали, что люди будут от этого вести себя ответственнее. Но сознание дало обратный ход – и воровать стали больше», - резюмировал один кубанский станичник. «У колхоза нет наличных денег, чтобы нам платить за эту работу (на овощах), а нам невыгодно эти копейки получать. Поэтому я лучше наворую столько продуктов, сколько мне нужно, ... чтобы потом не беспокоится за жизнь», - откровенничал другой (74).

В этом ряду находятся и другие явления современной сельской действительности.

Бюджетные обследования сельских семей, проведенные исследовательской группой под рук. Т. Шанина во второй половине 90-х годов в некоторых регионах России (Поволжье и Кубань) зафиксировали сильный межпоколенный разрыв в ценностных установках села. Земля и крестьянствование из «священной обязанности земледельца» превратились для молодых в порабощающую обузу, которая отнимает здоровье и силы, ограничивает свободу передвижений. «Любовь к земле» - вовсе не безусловная вещь для современной деревни разных регионов. Мнение жителя сибирского с. Плотниково: «Родители обрабатывали земли много – не как сейчас: 30-40 соток. Сейчас вот говорят: земля! Земля! А зачем мне 30 гектаров? Чем мне ее обрабатывать? Лопатой я могу только 30 соток обработать. А наши дети и к земле не тянутся. Моему сыну за 30 лет, а он как слепой тычется. Не знают они земли-то!». Молодые сельчане сознательно ограничивают размеры ЛПХ или не торопятся завести собственное, оттягивают наступление момента самостоятельного хозяйствования. Например, жительница саратовского села поясняет, что «сейчас одна корова – материально посложнее, зато для себя есть время почитать, посмотреть телевизор, да и уехать отдохнуть можно». Причем,

женщины считают, что ими нарушаются определенные нормы, традиция и стараются говорить об этом вне рамок процедуры формального интервью (75).

Современная сельская рациональность чаще всего нацелена, как отмечается в исследованиях, не на расширение производства или открытие своего бизнеса. Накопленные ресурсы семья предпочитает вкладывать в своих детей, которые скорее всего покинут село для работы или учебы в городе (76). Сельскохозяйственная профессия, как свидетельствуют опросы ВЦИОМ, для большинства представляется непривлекательной. Даже фермеры и предприниматели определенно высказываются против выбора их детьми профессий, связанных с сельским хозяйством или промышленной переработкой его продуктов. По мнению экспертов, это является наиболее чутким индикатором, ясно указывающим на негативное отношение живущих на селе или связанных с селом к сельскому труду и к АПК, устойчивое представление о безнадежности и бесперспективности этой сферы в настоящем, чувство невозможности изменить здесь что-либо к лучшему (77).

Впрочем, основания для такого «разрыва памяти», «разрыва преемственности» сельское население черпает и в своем прошлом, представляя историю крестьянства в XX столетии как великую жертву. Весьма красноречив диалог с А. Аюевой (с. Ст. Синдрово, Мордовия).

Интервьюер: Родители также были из крестьян?

А. Аюева: Несчастливые крестьяне.

Интервьюер: А почему несчастные?

А. Аюева: А чем счастливые?!

Интервьюер: Крепкие они были?

Аюева А.: Они труженики были.

Интервьюер: Ну все же, кем они были: бедняками, середняками или кулаками?

А. Аюева: Дураками они были, всю жизнь они работали... спины себе сломали, и погибли ни с чем. Вот так жили.

Интервьюер: А где они погибли?

А. Аюева: От работы они погибли...и вот Светочка такого же несчастного родила.

«Кто же это нас такой жизнью каторжной наказал?», - задавалась вопросом А. Ховрачева, жительница среднерусской деревни Гати (78).

Казалось бы, трудовая память уходит на периферию сознания и поведения сельских жителей. Земля давно отошла на дальний план в числе критериев богатства, а на первый план выдвинулись деньги, должности, машины. Не случайно в представлении о зажиточности полярным вариантом "возвышения по труду" стало в деревне "возвышение по чину".

Так, уровень зажиточности в деревне, хотя и определяется преимущественно городскими критериями, не исключает и собственно деревенских. Статус хорошего хозяина, особенно на Юге России, связан с

подворьем. Вероятно, можно считать разновидностью "трудовой памяти" «возрождение» личного подсобного хозяйства в начале 1990-х, хотя это «возрождение» было во многом вынужденным, и место ЛПХ в стратегиях современных сельских семей различно. Исследователи отмечают, что на протяжении последнего десятилетия крестьянский двор начинает постепенно восстанавливать свои родовые качества, привычки и знания (79).

В начале 1990-х годов старшее и среднее поколения сохраняло убежденность в то, что «если работать не будете и экономно жить не будете, ни черта ничего у вас не будет!», «всем необходимо работать, каждому на своем месте», «кто работает хорошо, то всегда в почете», «трудолюбивые люди не переведутся никогда. В разных течениях крестьянин остается крестьянином».

Трудолюбие относится к числу общих ценностей в социально-психологическом портрете личности современного жителя села, хотя и не занимает первые позиции (80).

У сельского населения существуют разные критерии относительно социальной структуры сельского социума. Важное значение придается трудовой и нетрудовой составляющей обретения материального благосостояния или получения дохода. Так, в обследовании сибирских социологов встречались ответы такого рода: “ в нашем селе люди делятся на простых, работающих и “присоски”, которые едут, везут продукцию, а потом богатеют”. Однако так думают не все сельские жители. Встречалось и иное представление о формирующихся стратах, в которых отражается трудовой характер нажитого богатства: “богатые – так как работают, и бездельники, кто сидит у них на шее”.

Отношение к труду имеется в виду и при разделении социума по деловым качествам: есть “работающие (добросовестные, трудолюбивые, хозяйственные) и ленивые (лодыри, тунеядцы, бездельники, бесхозяйственные)”. При характеристике местной власти также высвечивается отношения, складывающиеся по шкале «трудовой/нетрудовой»: «пользуются результатами чужого труда» (81).

По общероссийским опросам, проведенным НИИ экономики сельского хозяйства, наиболее часто встречающимся ответом на вопрос “Что нужно предпринять для улучшения жизни?” является такой – “нужно больше и лучше трудиться”. Так думает более половины опрошенных работников сельскохозяйственных предприятий. Предполагается что при существующей оплате труда данный ответ характеризует скорее отношение респондентов к труду на собственном подворье, чем на предприятии, и убежденность их в том, что в нынешних условиях они могут опираться лишь на собственные силы (82).

Опросы показывают, что более 60% сельских жителей рассчитывают только на себя, на свою активность в улучшении своей жизни. Те, кто находится сегодня в активном трудовом возрасте, ориентируются как на

разнообразные приемы выживания (где вовсе не все создается трудом), так и собственно на трудовую память - принцип «все надо уметь». Люба Курановская, жительница кубанской станицы и глава семьи, серия интервью с которой была собрана в 1995-1996 и 1999-2000 годах, высказалась на этот счет определенно: «Запас умений – самый дорогой! Не только шмотки надо запастись, а именно умения. Надо все понемножку, но надо все уметь» (83).

* * *

Целостность всех сторон крестьянской жизни определяет и целостность крестьянской коллективной памяти. Земля и труд на ней – важнейшие понятия в структуре крестьянской идентичности. С ними связаны все формы крестьянской памяти: память=поведение, включая ритуал, и память=воспоминание. Но труд на земле объединяет другие компоненты памяти, присущие разным поколениям крестьян. Поэтому память крестьян о земле - это и память труде крестьянской семьи и ее положении сельской общности, а также об отношениях с властью, а память о власти - это одновременно и память о сельской общности и земле, основе функционирования семейного двора.

Прошрое столетие стало в истории России в равной степени временем ухода крестьянства от земли и ухода земли от крестьянства. Формировавшаяся веками крепкая связь крестьян с землей, в поддержание которой внесли свою лепту природно-климатический, социально-правовой, конфессиональный и исторический факторы, за одно столетие оказалась разорванной, а неоднократные попытки рынка восстановить ее в новом качестве оказывались не всегда эффективными. По отношению к земле сталкивались два подхода, имеющие свои основания в памяти: социальная справедливость или экономическая эффективность. В итоге в деревне возобладало функциональное отношение к земле. Необходимо ли оно ей – покажет время.

Примечания

¹ Гордон А.В. Тип хозяйствования – образ жизни – личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 113; Он же. Хозяйствование на земле - основа крестьянского мировосприятия // В кн.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 57-74.

² Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000; Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. С. 22-39; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

³ Гордон А.В. Пореформенная деревня в цивилизационном процессе (Размышления о постановке вопроса) // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В.Данилова. М., 2002. С. 141-160.

- ⁴ См. подробнее: Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
- ⁵ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 117-125; Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 35-37, 88-103, 380-383. Кузнецов С.В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения. М., 1995; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995; Тульцева Л.А. Социально-нравственные аспекты земледельческой обрядности // В кн.: Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 283-298; Федотов Г.П. Мать-земля (К религиозной космологии русского народа) // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 66-82.
- ⁶ Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. С. 89-96; Кудюкина М.М. Труд в системе ценностей русского народа // В кн.: Этика и организация труда в странах Европы и Америки. Древность, средние века, современность. М., 1997. С. 296-312. Титорский А.В. Трудовые традиции русских крестьян в XIX в. М., 2001. Деп. в ИНИОН РАН.
- ⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2003. С. 305-315, Титорский А.В. Указ. соч. С. 53.
- ⁸ Buldakov V. Модернизация, традиция и агрессия в русской революции: провинциальный аспект // *Studia Slavica Finlandesica*. Tomus XVII. Helsinki 2000. С. 14; Карпачев М.Д. Воронежское крестьянство о зажиточности в годы столыпинской реформы // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе*. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 189-202.
- ⁹ Собственность на землю в России: История и современность / Под общ. ред. Д.Ф. Аяцкова. М., 2002. С. 219-220.
- ¹⁰ См.: Кабанов В.В. Без альтернатив (Пути и бездорожье аграрного развития России: век XX - до коллективизации) // В кн.: Крестьянское хозяйство: История и современность. Ч.1. Вологда, 1992. С. 90; Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // В кн.: 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 168-177.
- ¹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. С.481; Т.2. С. 315-316.
- ¹² Чернышев И.В. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. СПб., 1912. С. 8-9, 21, 43 и др; Он же. Община после 9 ноября 1906 г. (по анкете Вольного экономического общества). Ч.1. Пг., 1917. С. 22-23, 49, 78-79, 81-82, 166-167.
- ¹³ Гордон А.В. Пореформенная деревня в цивилизационном процессе. С. 141-160. См. также: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. М., 2002.
- ¹⁴ См. подробнее: Земельный вопрос. Под ред. Е.С. Строева. М., 1999. С. 213-216.
- ¹⁵ См. подробнее: Кознова И.Е. Обсуждение проблем общинного землепользования в крестьянской среде в 1920-е годы // *Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты)*. Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 275-287.
- ¹⁶ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К.Соколов. М., 1997. С. 242-244; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крю-

кова. М., 2001. С. 61-135; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Лл. 149-150; Оп. 85. Д. 16. Лл. 225-241; Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 396. Оп. 5. Д. 210. Л. 1297.

¹⁷ Голос народа. С. 97-98, 115-116, 124-129, 136-137, 242, 245; Крестьянские истории. С. 61-134; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Л. 2-11, 37-41, 99-101; Д. 857. Лл. 50-52, 224-227; Д. 858. Лл. 32, 59-65; Оп. 85. Д. 19. Л. 140, 224-226, 264; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 23. Л. 386-387; Оп. 6. Д. 123. Л. 15.

¹⁸ Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 47-48.

¹⁹ Цит. по: Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после "революции сверху" // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 28.

²⁰ См. об этом: Мацузато Кимитака. Индивидуалистские коллективисты или коллективистские индивидуалисты. Новейшая историография по российским крестьянским общинам / В кн.: Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. Под ред. Бордюгова Г, Исии Н., Томита Т. М., 2001. С. 197-198. Кимитака Мацузато имеет в виду опубликованную на япон. языке монографию Хироси Окуда «Процесс становления колхозов: конец общин в России» (Токио, 1990). С. 42-56.

²¹ Димони Т.М. От частника к колхознику: трансформация представлений о собственности крестьянского двора в 1930-1950 гг. (на материалах Европейского Севера России) // В кн.: Собственность в представлении сельского населения России (XIX-XX вв.): Регионально-исторический аспект / Под ред. Д.С.Точеного. Ульяновск, 2001. С. 179-184.

²² Земельный вопрос. С. 160.

²³ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 61-69.

²⁴ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). Сб. документов. М., 1993. С. 181-193.

²⁵ Тимофеев Лев. Последняя надежда выжить. Эрмитаж, 1985. С. 16-18.

²⁶ См. об этом: Димони Т.М. История колхозной деревни в романном творчестве Федора Абрамова // Отечественная история. 2002. № 1. С. 126-129.

²⁷ По мнению Ш. Фицпатрик, крестьян на своих подворьях можно квалифицировать как «близких родственников» "разумных крестьян" Попкина. См.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 17.

²⁸ Тимофеев Лев. Последняя надежда выжить. С. 23-31.

²⁹ Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. Под ред. В.Н. Колбановского. Рук. авт. колл. И.Т.Левыкин. М., 1970. С. 52-59; Симуш П.И. Облик хозяина земли. М., 1984. С. 122.

³⁰ Магун В.С. Указ. соч. С. 48-49.

³¹ См.: Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1994. С. 59.

³² Мура-но нихондзин [Деревенские японцы]. Токио, 1975. С. 82-86. Автор выражает признательность профессору Хироси Окуда за предоставленную информацию.

³³ Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия). Под ред. Е.С. Строева. М., 2001. С. 93-96.

- ³⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-664. Оп. 1. Д. 156. Л. 28-32, 38-61, 83-84, 123; Д. 393. Л. 34-35; Д. 396, Л. 1, 3, 36-46; Д. 398. Л. 12-16, 36, 39, 41, 43 и др. См. подробнее: Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 130-138.
- ³⁵ Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 107-108.
- ³⁶ Аграрная партия России. Документы. События. Лица. М., 1994. С. 3, 10, 52, 87 90-92; Деревня – это совесть России. М., 2001. С. 35-36, 120, 135-137, 140, 144, 160, 192-194, 206.
- ³⁷ По России было собрано 129 семейных историй, которые исследовал автор данной статьи. См.: Междисциплинарный академический центр социальных наук. Архив российско-британского проекта «Социальная структура российского села. 1990-1994 гг.» CD-ROM. Описание архива см. также: Ястребинская Г. Архив российско-британского проекта «Социальная структура российского села: 1990-1994 гг.» // В кн.: Рефлексивное крестьяноведение. С. 552-561. Некоторые семейные истории опубликованы (см.: Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996).
- ³⁸ Бердинских В.А. Народ на войне. Вятка, 1996. С. 9-10, 41-42, 64-65, 77-78, 88-89, 97-99 и др.
- ³⁹ Виноградский В. Российский крестьянский двор. Экономика повседневного существования // Волга. 1995. № 4. С. 129-130, 156-157.
- ⁴⁰ Аналогичное читаем в «записках сына раскулаченного»: «Сегодня мне совсем не важно: являлся ли мой отец настоящим кулаком или нет. Для меня важно сознавать, что он был порядочным человеком, величайшим тружеником, каких теперь в крестьянстве мало. Да такими были все сосланные к озеру Куренево. Это были люди жадные до земли и знавшие ей цену. Потому и смогли не только выжить в тех наитруднейших условиях, а и сделать свое хозяйство передовым в районе. А ведь начали от пня» (Старжинский П.И. Взрослое детство. М., 1990. С. 252).
- ⁴¹ Виноградский В. Российский крестьянский двор // Волга. 1995. № 2-3. С. 128.
- ⁴² Крестьянские истории: С. 61-63, 69, 71, 73, 79-84, 104, 126 и др.
- ⁴³ Кого считать кулаком, кого – тружеником? Что говорят об этом крестьяне? М., 1924. С. 55.
- ⁴⁴ См. также: Виноградский В. Российский крестьянский двор // Волга. 1995 № 2-3. С. 134-135, 142-143; Он же. Деревня Красная Речка: пространство крестьянской повседневности // Рефлексивное крестьяноведение. С. 531-533.
- ⁴⁵ Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 3-76.
- ⁴⁶ Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 138-148, 160-163; Казарезов В.В. Фермеры России. Очерки становления. Т. 1-2. М., 2000.
- ⁴⁷ См. подробнее: Лылова О. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 107-113; Родионова Галина. Приватизация земли: выжить или преуспеть? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 102-104.
- ⁴⁸ Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 33.
- ⁴⁹ Отечественные записки. 2004. № 1. С. 452 (данные Т.Г. Нефедовой).

- ⁵⁰ Великий П.П., М.Э. Елютина, И.Е. Штейнберг, Л.В. Бахтурина. Старики российской деревни. М., 2000. С. 24; Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск, 1996. С. 35-36.
- ⁵¹ Голоса крестьян-2. Часть 1. Крестьяне Белгородской области пишут в Думу. М., 1999. С. 24-25.
- ⁵² Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 26.
- ⁵³ Тимофеев Л. Коррупционные схемы и перераспределение земли в сельском хозяйстве. М., 2002. С. 106.
- ⁵⁴ Панченко Александр. Мать или мачеха? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 401-407.
- ⁵⁵ Аллина-Пизано Джессика. Аграрные реформы в России и на Украине: сравнительный анализ // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 119.
- ⁵⁶ Моргун Ф.Т. Крестьянин – Мировая Душа. Белгород, 2000. С. 66, 124.
- ⁵⁷ Рефлексивное крестьяноведение. С. 352-354, 368.
- ⁵⁸ Земельный вопрос. С.220; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 96, 107, 143.
- ⁵⁹ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. М., 2003. С. 75.
- ⁶⁰ Рефлексивное крестьяноведение. С. 201-202.
- ⁶¹ Рефлексивное крестьяноведение. С. 251-252.
- ⁶² Штейнберг И. Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 51.
- ⁶³ Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. С. 211. См. также: Кознова И.Е. Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 74-85.
- ⁶⁴ Тимофеев Лев. Последняя надежда выжить. С. 72-73.
- ⁶⁵ Рефлексивное крестьяноведение. С. 224.
- ⁶⁶ Пациорковский В.В. Указ.соч. С. 327.
- ⁶⁷ Магун В.С. Указ.соч. С. 50-52.
- ⁶⁸ Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен. М., 2003. С. 245. Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. С. 39.
- ⁶⁹ Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Новосибирск, 2000. С. 50-52.
- ⁷⁰ Магун В.С.Указ. соч. С. 55-58.
- ⁷¹ Калугина З.И. Указ. соч. С. 129-131.
- ⁷² Там же. С. 138.
- ⁷³ Виноградский В., Виноградская О. Как сельские частники сопротивляются «правовому разглаживанию» их хозяйственных практик // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 330.
- ⁷⁴ Рефлексивное крестьяноведение. С. 173, 366.
- ⁷⁵ Рефлексивное крестьяноведение. С. 205, 270, 331.
- ⁷⁶ Штейнберг И. Указ. соч. С.57-58.
- ⁷⁷ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 29-30.
- ⁷⁸ Тимофеев Лев. Последняя надежда выжить. С. 19.
- ⁷⁹ Виноградский В. Российский крестьянский двор // Волга. 1995. № 2-3. С. 149-150; Рефлексивное крестьяноведение. С. 175, 201-202, 214, 244, 247, 301 и др.

- ⁸⁰ Великий П.П. и др. Указ.соч. С. 60.
⁸¹ Калугина З.И. Указ. соч. С. 115-117.
⁸² Бондаренко Л.В. Указ.соч. С. 483-484, 497-498.
⁸³ Рефлексивное крестьяноведение. С. 244.